

В. А. Томсинов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ*

**ВЛАДЕНИЕ И ЕГО ЗАЩИТА
В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX века
(статья вторая)¹**

В статье анализируется модель владения и способы его защиты, представленные в проекте Гражданского уложения Российской империи, составленном в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: Гражданское уложение, владение, владельческая защита.

The article analyzes the model of possession and the methods of its protection provided in the draft Civil code of the Russian Empire, compiled in the late XIX — early XX century.

Keywords: Civil code, possession, possessory protection.

Юридическая конструкция владельческой защиты, т. е. защиты имущества от насильственного посягательства на основании одного лишь факта обладания им, формировалась в законодательстве Российской империи постепенно начиная с 70-х гг. XVIII в. Первые ее следы можно обнаружить в акте под названием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», изданном императрицей Екатериной II в 1775 г. Статья 243 «Учреждений» предписывала: «Земский исправник всякому обиженному дает судейское покровительство, и для того, буде где в уезде окажется насильство, то земский капитан тотчас на месте о том расследывает без многого письменного производства, но единственно в ясность приводит, учинился ли такой-то случай или нет; и свидетелей допрашивает, и буде у кого что отнято, и оно налицо находится, тотчас велит возвратить, и даст о том знать уездному суду, к которому просьбу производить дозволяется тем, кои доказать могут, что земский исправник пристрастно или несправедливо поступил»² (курсив мой. — *В. Т.*). Указ Правительству-

* tomsinov@yandex.ru

¹ Статью первую см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 5. С. 8–26.

² Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 года // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Сост., автор вступ. ст. В. А. Томсинов. М., 2011. С. 200.

ющего Сената от 14 октября 1809 г. дал следующее пояснение к этой статье: «Всем главным судам губерний, на особых правах состоящих, в объяснение 243-й статьи Учреждения предписано по просьбам о насильном завладении недвижимых имений: градские и земские полиции, не входя в разбор документов, обязаны приводить только в ясность, в чьем владении было имение тогда, когда на оном учинено насилие, и по исследовании возвращать тотчас тому, у кого что отнято или заграблено, а учинившего насилие отсылать к суду и дела сего рода рассматривать порядком уголовным»³.

Сенатский указ от 14 октября 1809 г. не вошел в состав «Полного собрания законов Российской империи», но его текст был приведен в изданном 30 июня 1820 г. Указе Правительствующего Сената «О производстве дел о насильном завладении недвижимым имением», в котором давались подробные разъяснения относительно порядка рассмотрения дел о нарушении владения недвижимым имуществом. В нем говорилось: «И поелику в таковых делах предостоят два пункта к разрешению: первый — о насильном завладении чего-либо, а другой — о принадлежности по письменным документам того места, где таковое насилие учинено, хотя бы и во владении чьей стороны не было; всякое же насилие есть не позволенный законами поступок и нередко может служить поводом к уголовному преступлению, следственно, и предлежит сей пункт рассмотрению суда уголовного, а принадлежность чего-либо разбирается по документам, от сторон при судопроизводстве представленным гражданским судом. То в разрешение сего и могущих последовать на будущее время по департаментам прочих генеральных и главных судов затруднений предписать во все губернии, на предоставленных им правах состоящие: 1) что по силе законов предоставлено всякому на волю за насильное завладение имением и грабеж отыскивать удовлетворения не одним токмо судом гражданским, но и следственным; и потому 2) когда в постановленное по законам время дойдет до земской или городской полиции просьба о таковом поступке, то она немедленно приступает на месте к исследованию и открытию истины чрез верных и сведущих свидетелей или другими возможными способами, не требуя и не входя в разбор представляемых сторонами письменных документов, принадлежащих единственно разбору поветового суда по законам, приводит только в ясность: в чьем владении было имение тогда, когда на оном учинено насилие, и по исследовании возвращает тотчас оное тому, у кого что отнято или заграблено, на основании Учреждения 243-й статьи и Статутового

³ Сенатский указ «О производстве дел о насильном завладении недвижимым имением». 30 июня 1820 года // 1-ПСЗРИ. Т. 37. № 28338. С. 375–376.

права раздела 4 артикула 92⁴; а дерзнувшего нарушить спокойствие, отсылает немедленно к суду для законного определения, где уже и производится дело уголовным порядком; принадлежность же имения, на коем насилие или грабеж учинен, по письменным документам относится к формальному судопроизводству гражданского, а не к разбору нижнего земского суда»⁵.

27 декабря 1823 г. Правительствующий Сенат снова рассмотрел вопрос о порядке защиты владения от насильственных действий. Изданным в этот день указом «О производстве дел о насильном завладении недвижимых имений» сенаторы предоставили «всякому на волю за насильственное завладение имением и грабеж отыскивать удовлетворения не одним токмо судом гражданским, но и следственным». В связи с этим они предписали: «Когда в постановленное по законам время дойдет до земской или градской полиции просьба о таковом поступке, то она немедленно приступает на месте к исследованию и открытию истины чрез верных и сведущих свидетелей, или другими возможными способами, *не требуя и не входя в разбор представляемых сторонами письменных документов, принадлежащих единственно разбору поветового суда по законам; приводит только в ясность, в чьем владении было имение тогда, когда на оном учинено насилие, и по исследовании возвращает тотчас оное тому, у кого что отнято или разграблено*, на основании Учреждения 243-й статьи и Статутового права, раздела 4, артикула 92, а дерзнувшего нарушить спокойствие, отсылает немедленно к суду для законного определения, где уже и производится дело уголовным порядком; принадлежность же имения, на

⁴ Под «статутовым правом» в данном случае имеется в виду Статут Великого княжества Литовского 1588 г., изложенный в оригинале на западнорусском языке. В 1811 г. в Сенатской типографии в Санкт-Петербурге был напечатан его перевод с польского издания 1786 г. на официальный русский язык Российской империи (см.: Статут Великого княжества Литовского. С подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного. В 2-х частях. Спб., 1811). Нормы этого свода действовали на территориях Киевской, Подольской, Волынской, Минской, Виленской и Гродненской губерний Российской империи и включенной в нее области Белостокской до начала 40-х гг. XIX в. 1840 г. (см.: Именной указ Сенату от 25 июня 1840 г. «О распространении силы и действия российских гражданских законов на все западные возвращенные от Польши области» // 2-ПСЗРИ. Т. 15. № 13591. С. 443–445). Артикул 92 четвертого раздела Литовского статута 1588 г. устанавливал правило, по которому лицо, которое лишалось насильственно и незаконно своего владения «двором, дворовою землей, городом, мельницей, разной службы разной службы крестьянами и их землями», могло в срок не позднее десяти недель после такого происшествия обратиться в суд с жалобой на совершенное насилие и беззаконие, представив необходимые для рассмотрения дела доказательства. Суд был обязан, если факт насильственного и незаконного лишения истца владения имуществом подтверждался, приговорить это имущество на основании одного только этого факта «тотчас к возврату истцу», выделив дело о насилии, побоях, увечьях, убийствах, если все это имело место, в отдельное производство.

⁵ 1-ПСЗРИ. Т. 37. № 28338. С. 375–376, 378–379.

коем насилии или грабеж учинен, по письменным документам относится к формальному судопроизводству гражданского, а не к разбору нижнего земского суда»⁶ (курсив мой. — *В. Т.*).

Сенатские указы 1809, 1820 и 1823 гг., посвященные порядку рассмотрения дел о насильственном лишении владения имуществом, хотя и ссылались на соответствующую статью Литовского статута 1588 г., не восприняли выраженную в нем идею ограничения возможности подачи иска о возврате владения имуществом, отобранного посредством насилия, определенным сроком. Данный срок был установлен высочайше утвержденным 3 мая 1824 г. мнением Государственного совета, правда, только для казенного имущества. Проект решения этого вопроса готовил министр финансов Е. Ф. Канкрин. Он предложил установить годичный срок на подачу «к земскому исправнику или в земский суд объявлений о насильственном завладении имением», что было одобрено общим собранием Сената и признано правильным министром юстиции. Однако Государственный совет снизил указанный срок до десяти недель⁷.

Эта норма вошла в первую часть десятого тома Свода законов Российской империи, но без упоминания, что она относится лишь к имуществу, принадлежащему государству, — казенному имуществу. Статья 1480 Свода законов гражданских установила: «Срок на подачу в полицию прошения о насильном и самовольном завладении с просьбою о возвращении имущества в прежнее владение назначается десятидневный, считая от времени происшествия; пропустивший сей срок должен начинать иск о том в судебном месте»⁸.

Нормы же о защите владения, изложенные в «Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. и в Сенатских указах 1809, 1820 и 1823 гг., составили две статьи Свода законов гражданских — 1491-ю и 1492-ю. В ст. 1491 было постановлено, что полиция, приняв прошение о насильственном лишении владения, «отбира-

⁶ Сенатский указ «О насильном завладении недвижимых имений». 27 декабря 1823 года // 1-ПСЗРИ. Т. 38. № 29716. С. 1347.

⁷ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О правилах для возвращения чрез земскую полицию от частных лиц завлажденного ими казенного имущества, когда дело не доходило еще до формального суда». 3 мая 1824 года // 1-ПСЗРИ. Том 39. № 29889. С. 294–296.

⁸ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Т. 10: Законы гражданские и межевые. Ч. 1: Законы гражданские. Спб., 1832. С. 340. В десятом томе Свода законов издания 1842 г. эта норма была изложена в ст. 2033. В Своде законов издания 1857 г. законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских были изложены во второй части десятого тома, отдельно от материальных норм гражданского права. Норма о десятидневном сроке подачи прошения о возвращении имущества в прежнее владение составила здесь ст. 10. При этом для Закавказского края был установлен четырехмесячный срок (см.: Свод законов Российской империи... Изд. 1857 г. Т. 10. Ч. 2: Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских. Спб., 1857. С. 102).

ет, нимало не медля, показания истца и ответчика и без пространного письменного производства исследует на месте чрез верных и сведущих свидетелей или другими возможными способами событие, подавшее повод к жалобе, приводя по делам о насильном и самоуправном завладении в ясность, в чьем владении было имение тогда, когда на оном учинено насилие, не требуя и не входя, впрочем, в рассмотрение представляемых письменных доказательств, принадлежащих единственно разбирательству судебных мест и не определяя ни в каком случае присяги, назначение коей предоставляется равномерно исключительно судебным местам»⁹. Статья 1492 дополнила эту норму указанием полиции тотчас возвращать по окончании исследования и приведения дела в ясность отнятое имущество прежнему владельцу, предоставляя ему возможность «в случае спора об удовлетворении за причиненную обиду, убыток или насилие разбираться в судебном месте»¹⁰.

Закрепление в российском законодательстве упрощенной процедуры восстановления утраченного владения, для приведения которой в действие достаточно было лишь убедиться в том, что истец действительно владел спорным недвижимым имуществом до утраты им владения и ответчик действительно отнял у него это имущество, было продиктовано стремлением обеспечить общественный порядок при такого рода конфликтах. Именно поэтому данная процедура была сохранена и в новом судопроизводстве Российской империи, созданном в результате судебной реформы 1864 г. Перемены коснулись только срока для подачи прошения о восстановлении отнятого владения и органа, которому надлежало это восстановление осуществить. Эта функция была предназначена мировому суду.

14 апреля 1860 г. главноуправляющий Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Д. Н. Блудов представил в Государственный совет в числе целого ряда документов «Проект правил о порядке производства спорных гражданских дел, подлежащих ведомству судов мировых». В объяс-

⁹ Там же. С. 342. В десятом томе Свода законов издания 1842 г. эта норма была изложена в ст. 2044 с добавлением к ее тексту слов «и наблюдая при том, что дело о самовольном или насильственном завладении чужим имуществом в таком лишь случае подлежит ее рассмотрению, когда жалоба принесена не позднее, как в течение десяти недель после завладения (ст. 2033); в противном случае полиция должна представить все дело на рассмотрение надлежащего судебного места» (Свод законов Российской империи... Издание 1842 года. Т. 10: Законы гражданские и межевые. Ч. 1: Законы гражданские. Спб., 1842. С. 343). Во второй части десятого тома Свода законов эта норма была воспроизведена в неизменном виде в ст. 21 (Свод законов Российской империи... Издание 1857 года. С. 6–7).

¹⁰ Там же. С. 342–343. В десятом томе Свода законов издания 1842 г. эта норма была повторена в неизменном виде в ст. 2045. Во второй части десятого тома Свода законов эта норма была воспроизведена в неизменном виде в ст. 22 (Свод законов Российской империи... Изд. 1857 г. С. 7).

нительной записке к этому документу он высказал мнение о том, что мировым судьям могут быть предоставлены, помимо прочего, «споры о завладении имуществом и о других нарушениях права законного владения», если с ними не соединено какое-либо преступление. «В спорах сего рода, — писал он далее, — необходимо удостовериться на месте, действительно ли последовало завладение или нарушение права владельца и восстановить прежний законный порядок. Ныне сии дела подлежат ведомству общей полиции, когда спор возник не позднее 10 дней со дня события, давшего повод к сему спору. Мы полагаем, что и сии дела должны быть предоставлены судам мировым, но с тем, чтобы и они, не входя в рассмотрение вопроса о самом праве на владение, только удостоверяться, в чьем владении и в каком состоянии находился спорный предмет за 10 недель до начала спора и склоняли стороны к добровольному восстановлению прежнего порядка, в случае же неуспеха в старании примирить их, постановляли свое решение таким же образом и с теми же ограничениями, которые указаны полиции действующими ныне узаконениями»¹¹.

Мировой суд создавался в качестве органа, который был призван примирять конфликтующие стороны. Указывая в начале своей записки на высокое значение мирового суда, Д. Н. Блудов утверждал: «Главная обязанность мировых судов по делам спорным, как сие объясняется самым наименованием сего установления, должна состоять в принятии мер для соглашения и примирения спорящих»¹². Вследствие этого передача дел о защите нарушенного владения из круга полномочий полиции в ведение мирового суда еще сильнее подчеркивало основной ее смысл по российскому законодательству, а именно: восстановление мира, возвращение к прежнему правопорядку.

Подсудность дел о восстановлении нарушенного владения мировому судье была провозглашена в п. 4 ст. 29 Устава гражданского судопроизводства 1864 г.¹³ Здесь же объявлялся и срок, в течение которого лицо, у которого было отнято владение, могло восстановить его в упрощенном порядке, обратившись в мировой суд. Вместо прежних десяти недель для этого было назначено шесть месяцев.

В составленной в 1863 г. объяснительной записке к проекту Устава гражданского судопроизводства давалось следующее очень

¹¹ Блудов Д. Н. Объяснительная записка к проекту правил о порядке производства спорных гражданских дел, подлежащих ведомству судов мировых // Материалы по преобразованию судебной части в России. Т. 4: Проект правил о порядке производства спорных гражданских дел, подлежащих ведомству Судов Мировых // Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Фонд 1Б. Оп. 1. Д. 82392. С. 8–9. Данная записка была напечатана типографским способом со своей нумерацией страниц.

¹² Там же. С. 2.

¹³ Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства. 20 ноября 1864 года // 2-ПСЗРИ. Т. 39. № 41477. С. 308.

важное пояснение к этой норме: «В отношении исков о восстановлении нарушенного владения мировому судье могут быть предоставлены только такие права, которыми в отношении к подобным искам в настоящее время пользуется полиция, т. е. чтобы мировой судья не входил в рассмотрение самого права на владение, а ограничивался возвращением имущества тому, в чьем владении оно состояло до нарушения, и притом безразлично, относится ли нарушение до движимого или недвижимого имущества»¹⁴.

Дополнительные разъяснения относительно упрощенной процедуры защиты владения мировым судом были даны при рассмотрении споров по этому предмету в Гражданском кассационном департаменте Правительствующего Сената.

Так, в решении, вынесенном по спору о владении недвижимым имуществом 10 октября 1868 г., сенаторы указали, что «в делах подобного рода на обязанности мирового судьи лежит удостовериться по представленным тяжущимися доказательствам только о том, у кого именно недвижимое имение состояло в действительном владении, и о времени, с которого такое владение продолжается; затем, не входя ни в какое рассмотрение *прав* той или другой стороны, постановить определение, у кого спорное имущество должно во владении оставаться. Но как скоро возникает спор о *праве собственности* или о *праве на владение недвижимостью*, утвержденном на формальном акте, то на основании 1 п. 31 ст. того же Устава мировой судья должен устроить себя от разрешения такого спора по неподсудности»¹⁵.

В постановлении по прошению купца Ивана Дмитриева об отмене решения Одесского городского мирового съезда, изданном 16 марта 1877 г., Правительствующий Сенат подчеркнул, что во время рассмотрения дела о восстановлении нарушенного владения мировой суд «должен только убедиться, в чьем фактическом владении имущество было и оставаться должно»¹⁶. При этом сенаторы пояснили, что «для восстановления нарушенного владения на основании 4 п. ст. 29 Устава гражданского судопроизводства необходимы два существенных условия: во-1-х) действительное владение истца спор-

¹⁴ Материалы по преобразованию судебной части в России. Т. 55. Объяснительная записка к проекту Устава гражданского судопроизводства, составленному комиссией, высочайше учрежденной при Государственной канцелярии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части. Ч. 1 // РГИА. Фонд 1Б. Оп. 1. Д. 82439. С. 17.

¹⁵ Решение по кассационной жалобе коллежского асессора Андрея Небарова на решение Крестецкого мирового съезда. 10 октября 1868 г. // Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за второе полугодие 1868 года. Спб., 1869. С. 1732.

¹⁶ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1877 год. Екатеринослав, 1912. С. 163.

ным недвижимым имуществом до нарушения владения, и во-2-х) нарушение этого владения таким ответчиком, который во время предъявления к нему иска не состоит с истцом в договоре найма, имеющем предметом недвижимое имущество, владение коим истец просит восстановить»¹⁷.

В некоторых кассационных решениях Правительствующего Сената по спорам о восстановлении нарушенного владения прямо указывалось на стремление не только защитить владение, даже если оно было только фактическое, но и ограничить произвол. Так, в решении, вынесенном 27 февраля 1886 г. по прошению крестьян деревни Белеутовой об отмене решения Подольского мирового съезда, сенаторы заявили, что «к ведомству мировых судебных установлений отнесены только иски о восстановлении нарушенного владения в тех видах, чтобы преподать возможность на самом месте в возможной скорости и без излишних формальностей устранить самоволие и оградить права действительного владельца недвижимого имения»¹⁸.

Изданное 12 июля 1889 г. Положение о земских участковых начальниках передало в ведомство этих должностных лиц находившиеся ранее в ведении мировых судей «дела о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев»¹⁹. Однако сама процедура защиты нарушенного владения и главный ее смысл при такой перемене остались прежними.

Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственной думой 15 июня 1912 г. закон «О преобразовании местного суда» снова поместил иски о восстановлении нарушенного или утраченного владения в ведомство мирового судьи. Правда, срок подачи такого иска был увеличен с шести месяцев до года²⁰. Этот закон стал вводиться в действие постепенно с 1 января 1914 г. К этому времени работы над проектом Гражданского уложения уже были закончены. Третья его книга, посвященная вещному праву, была признана несоответствующей новым веяниям времени и не была допущена к обсуждению в Государственной думе. Между тем выраженный в ней подход к охране владения явно заслуживал более чем просто внимательного рассмотрения.

Приведенные выше законодательные нормы, объяснения составителей проектов Устава гражданского судопроизводства, решения и

¹⁷ Там же.

¹⁸ Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) с подробным предметным, алфавитным и по-статейным указателями, составленными под редакцией опытных юристов за 1886 г. № 1—100 и за 1887 г. № 1—47. Екатеринослав, 1905. С. 34.

¹⁹ Положение о земских участковых начальниках. 12 июля 1889 года // 3-ПСЗРИ. Т. 9. № 6196. С. 515.

²⁰ 3-ПСЗРИ. Т. 32. № 37328. С. 670.

толкования Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената показывают, что для российской гражданско-правовой теории и практики XIX — начала XX в. традиционным было представление о том, что *защита владения от насильственных посягательств необходима главным образом для поддержания общественного порядка и спокойствия*. Эта цель предопределяла стремление законодателей и судей защищать всякое вообще владение, даже незаконное, и восстанавливать нарушенное владение на основании одного только факта обладания имуществом независимо от того, имеет его обладатель *право* владеть или нет. Право владеть при таком подходе к защите владения просто игнорировалось, а первостепенное юридическое значение при разрешении дел о восстановлении нарушенного владения придавалось **фактическому отношению** того или иного лица к имуществу, ставшему предметом спора.

Данный подход был проведен в Германском гражданском уложении, принятом в 1896 г., и он в полной мере соответствовал выраженному в нем пониманию владения вещью как состояния, которое «приобретается установлением фактической власти над нею».

Однако в проекте Гражданского уложения Российской империи владение было представлено как состояние, которое «приобретается поступлением имущества во власть лица *в соединении с намерением его владеть имуществом для самого себя*» (курсив мой. — В.Т.). Стремление защищать всякое вообще владение и восстанавливать его, если оно было отнято, на основании одного только факта обладания имуществом явно противоречило такому пониманию владения. Ведь далеко не каждый фактический владелец мог похвалиться намерением «владеть имуществом для самого себя».

Каким же образом творцы российского проекта Гражданского уложения разрешили это противоречие?

Статья 878 проекта Гражданского уложения Российской империи не давала определения сущности владения, а лишь указывала на момент его возникновения. Но формула, устанавливавшая этот момент, одновременно содержала ответ на вопрос: кто является владельцем того или иного имущества и способен, соответственно, претендовать на его владельческую защиту. Согласно ей таковым должен был считаться лишь тот индивид, который имел над этим имуществом власть и намерение владеть им для самого себя. Держатель имущества явно не подходил под эту формулу и, казалось бы, не должен был считаться владельцем, а значит и обладать правом на владельческую защиту. Но лишение держателей такого права создавало множество неудобств для гражданского оборота. Данная проблема была решена самым простым способом. Статья 882 ставила под охрану закона от самовольного нарушения «всякое владение,

даже незаконное»²¹. Поэтому для того, чтобы простое держание получило владельческую защиту, достаточно было придать ему статус владения. Это было сделано ст. 879, объявившей владельцем не только того, кто владел имуществом, «как своим собственным», т. е. имел «владение самостоятельное (в виде собственности)», но и того, кто владел «в силу вотчинного или договорного права», т. е. имел производное владение и являлся на самом деле всего лишь держателем.

Предоставляя владельческую защиту простому держанию, проект Гражданского уложения Российской империи создавал такую же юридическую фикцию, какую допускало Гражданское уложение Германской империи 1900 г. Однако аргументы, выдвинутые его составителями для обоснования широкой трактовки владения, предполагавшей наделение владельческой защитой простого держания, существенно отличались от тех, на которые опирались в такой трактовке составители последнего варианта ГГУ 1900 г. Как уже отмечалось, предусмотренная в немецком Гражданском уложении конструкция владения и его защиты опиралась на мысль о том, что «защита владения предназначена посредством охраны внешнего господства лица над вещью обеспечивать общественный порядок»²². Для обоснования модели владения и владельческой защиты, изложенной в проекте российского Гражданского уложения, была предложена значительно более сложная и развернутая аргументация.

Нормы о владении, составившие третий раздел третьей книги проекта, описывали владение не в смысле права «владеть вечно и потомственно»²³, входящего в право собственности, согласно ст. 420 и 513 (ч. 1 т. 10) Свода законов, и не в качестве права отдельного владения, выделенного из права собственности, о котором говорилось в Своде законов (ст. 432 и 514 т. 10 ч. 1) и в четвертом разделе третьей книги проекта Гражданского уложения. В них было представлено лишь *владение фактическое, независимое от права на владение*. В пояснениях к третьему разделу третьей книги проекта отмечалось, что фактическое владение «создано в виду потребностей практики. Оно представляет в гражданском праве ту особенность, что все юридические отношения

основываются на понятии *права*. Владению же как факту дается защита закона независимо и даже иногда в противоположность праву, защита временная, до решения спора о праве в надлежащем порядке, против которой бессильна пока ссылка на право, хотя бы и подкрепляемая надлежащими доказательствами»²⁴. Статья 531 первой части десятого тома Свода законов Российской империи придавала такому владению особое значение: всякая его разновидность должна была охраняться правительством от насилия и самоуправства до тех пор, «пока имущество не будет присуждено другому и сделаны надлежащие по закону о передаче онаго распоряжения»²⁵.

Эта весьма необычная с точки зрения юридической логики ситуация могла иметь различные объяснения. В пояснениях к третьему разделу третьей книги проекта Гражданского уложения Российской империи ей было дано следующее теоретическое обоснование, соответствовавшее уровню развития европейской научной юриспруденции конца XIX в.: «Несомненно, что первоначальным источником охраны владения как существующего факта против насилия даже со стороны того, кому принадлежит право на имущество, нарушаемое этим владением, является публичный интерес общественного спокойствия»²⁶. При этом в качестве примера приводились преторские интердикты в Древнем Риме, использовавшийся в средневековой Франции иск о восстановлении отнятого владения и применявшийся в прусском частном праве иск *possessorum summarissimum*.

Далее в пояснениях сообщалось, что упомянутое основание защиты владения соответствовало характеру древних и средневековых юридических установлений, в которых обыкновенно не различались особые сферы публичного и частного, уголовного и гражданского права. В настоящее же время «при различии значения и цели уголовного и гражданского права нельзя уже основывать охрану владения исключительно или преимущественно на заботе о сохранении общественного порядка и спокойствия. Перенесение этой заботы из свойственной ей сферы уголовного и публичного права на гражданско-частное право и объяснение эту именно целью начал защиты владения, представляло бы некоторые важные неудобства. Оно повело бы к неправильным выводам и нежелательному на практике распространению последствий уголовного преследования на отношения чисто гражданского свойства»²⁷.

²¹ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. СПб., 1910. Т. 1. С. 736.

²² «Die Vortschriften des Entwurfes beruhen auf dem Gedanken, das der Besitzschutz dazu bestimmt ist, den Rechtsfrieden durch Aufrechterhaltung des äusseren Herrschaftsverhältnisses der Person zur Sache zu bewahren» (*Jäntsch H.* Denkschrift zum Entwurf eines Bürgerlichen Gesetzbuchs nebst drei Anlagen, ergänzt durch Hinweise auf die Beschlüsse des Reichstages sowie auf die Paragraphen des Bürgerlichen Gesetzbuchs und seiner Nebengesetze. Berlin, 1899. S. 116).

²³ Свод законов Российской империи... Издания 1857 года. Т. 10. Ч. 1: Законы гражданские. С. 80.

²⁴ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 1. С. 721.

²⁵ Свод законов Российской империи... Изд. 1857 г. С. 103.

²⁶ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 1. С. 721.

²⁷ Там же. С. 722.

Составители третьей книги проекта Гражданского уложения России выражали убеждение в том, что «объяснение значения владения и его охраны следует искать в другом направлении, более соответствующем значению вообще гражданского права»²⁸. «Владение охраняется, — утверждали они, — как явление фактическое, независимое от права, а иногда ему и противоположное. Как согласовать это странное, по-видимому, явление с основною целью всякого закона — охранять главным образом и одно только *право*?... Право на владение прежде всего принадлежит собственнику имущества, ибо в понятии права собственности совмещается и право на владение имуществом (ст. 420 т. X ч. 1 и ст. 17 проекта), право держать оное в своей власти для извлечения из него всей пользы и выгоды, которые оно может предоставить собственнику. Таким образом, во владении выражается экономическая ценность и сила права собственности. Отсюда уже прямой вывод, что если это право на владение не осуществляется, если собственник устранен от владения, то само право собственности оказывается лишенным всякого практического значения, оставаясь отвлеченным понятием без реального применения. Но в огромном большинстве случаев внешний факт владения совпадает с внутренним основанием, с правом на владение: несомненно, огромное большинство собственников владеют своими имуществами. Отсюда естественно, обыкновенно соответствующее действительности предположение, что владение основано на праве собственности, что оно законно, заслуживает защиты закона как *проявление права собственности, как видимое его осуществление*. Если же в практике случается, что та же защита предоставлена и владению незаконному (ст. 531 т. X ч. 1), то это опять-таки в интересе огромного большинства законных владельцев, т. е. собственников и лиц, имеющих особое право на владение; ибо, не будь вышеуказанного предположения о законности владения, всякий владелец, а следовательно, также и законный, в случае самовольного нарушения его владения посторонним лицом был бы вынужден, по общему началу судопроизводства, доказывать свое *право* для того, чтобы возратить себе владение своим имуществом или устранить делаемые ему в таковом препятствия. А так как доказать право собственности, особенно когда дело идет о недвижимом имуществе, сопряжено с немаловажными затруднениями, требует немалого времени, то очевидно, что, не имея этой особой защиты, предоставляемой владению, собственники подвергались бы беспрестанному беспокойству, а само право собственности лишалось бы на продолжительное время своего реального значения. Таким образом, защита даже незаконного владения, могущая с первого взгляда казаться противоречащею праву

²⁸ Там же.

собственности, оказывается при ближайшем рассмотрении установленною в интересе огромного большинства собственников»²⁹.

Выраженная в приведенном пояснении идея о том, что главным основанием защиты владения является не забота о сохранении общественного порядка и спокойствия, а стремление обеспечить надлежащую охрану права собственности, поскольку владение чаще всего выступает как воплощение права собственности, была изложена в книге Рудольфа Иеринга «*Об основании защиты владения*», вышедшей на немецком языке двумя изданиями в 1868 и 1869 гг.,³⁰ а в переводе на русский язык напечатанной в 1883 г.³¹ Кратко описав распространенные в его время воззрения на владение и основания его защиты, германский правовед представил в этой книге и свой собственный взгляд на данный институт. «Владение вещами, — заявил он, — своим возведением на степень юридического отношения обязано не самому себе, а собственности. С целью доставить собственнику против известного рода нападений более легкие средства защиты, чем какие дает *reivindicatio*, доказывание *юридического* бытия собственности было заменено доказыванием *фактического* ее бытия. Замена эта, выпадая обыкновенно на долю настоящих собственников, в исключительных случаях делает причастными правовой защите и несобственников. Последнее составляет не цель владельческого института, а его *неизбежное следствие*... В связи владения с собственностью лежит ключ к пониманию всего материального строя владельческой теории: как отвлеченных границ института, — он идет совершенно параллельно собственности, — так равно и условий конкретного владения, — они совпадают с условиями внешнего отношения собственника к вещи. *Владение вещами есть реальность или видимость собственности; в одном этом определении владения — вся его теория*»³². На этих положениях Р. Иеринг основывал собственное воззрение на владельческую защиту. «*Защита владения как реальности собственности*, — писал он, — *есть необходимое дополнение защиты собственности, облегчение доказывания, предназначенное для собственника, но по необходимости служащее на пользу и несобственнику*»³³.

Работа Рудольфа Иеринга «Об основаниях защиты владения», безусловно, оказала влияние на составителей третьей книги проекта

²⁹ Там же. С. 722—723.

³⁰ *Jhering R. Beiträge zur Lehre vom Besitz // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 9. Jena, 1868. S. 1—196; Idem. Ueber den Grund des Besitzschutzes: Eine Revision der Lehre vom Besitz. Jena, 1869.*

³¹ *Иеринг Р. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении / Пер. с нем. второго испр. и доп. изд. М., 1883.*

³² Там же. С. 178—179.

³³ Там же. С. 38.

Гражданского уложения Российской империи: в пояснениях к разделу о владении упоминается немецкий вариант этой работы, вышедший в 1869 г. под названием «Ueber den Grund des Besitzschutzes»³⁴. Однако это влияние не следует преувеличивать. **Идея о том, что главной целью защиты фактического владения является не только сохранение общественного порядка, но прежде всего обеспечение надлежащей охраны права собственности, вполне соответствовала тому представлению о владении, которое доминировало в гражданском законодательстве, в судебной практике по гражданским делам и в гражданско-правовой науке Российской империи.**

Рудольф Иеринг утверждал в своей книге «Вклад во владение», опубликованной в 1868 г.: «Определение владения как реальности или видимости права собственности включает в себя всю теорию владения»³⁵, но эта мысль высказывалась раньше его российским правоведом Николаем Васильевичем Варадиновым (1817–1886). В книге «Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским», изданной в 1855 г., он писал: «Из всего сказанного до сих пор о владении действительном становится ясным положение, что владение есть удержание вещи за собою на *праве собственности*, а ни на каком другом праве и основании, удержание не столько материальное, как идеальное, юридическое, проявляемое именем и правом хозяина. Принявший заклад, пользователь и распорядитель чужого имущества, получивший в ссуду вещь от хозяина, наемщик и другие удерживают находящееся у них имущество не на *праве собственности*, а на основании договора (письменного или словесного) о закладе, пользовании и распоряжении, о найме, ссуде, поклаже и т. п. Посему такое удержание имущества (т. е. не на *праве собственности*) не есть вовсе владение, а только правильное удержание, ибо владение требует права собственности, которой не имеет ни залогодержатель, ни распорядитель, ни наемщик. В сем случае филология и юриспруденция сходятся между собою: с одной стороны, никто не назовет наемщика владельцем, никто не понимает под словом “владелец” залогодержателя; с другой стороны, ни наемщик, ни залогодержатель, ни пользователь, ни распорядитель не могут, по закону, усвоить чужое имущество посредством давности в собственность, как бы долго ни продолжалось удержание ими чужой вещи; потому что они удерживают ее не на *праве собственности*, непременною условию

³⁴ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С. 723.

³⁵ “Die Bezeichnung des Besitzes als die Thatsächlichkeit oder Sichtbarkeit des Eigenthums schließt die ganze Besitztheorie in sich” (*Jhering R. Beiträge zur Lehre vom Besitz*. S. 196).

владения, а на основании договорного согласия хозяина, и не своим именем, а именем хозяина»³⁶.

Проводя же различие между владением как правом владения и фактическим владением, Н. В. Варадинов отмечал: «*Владение* в смысле права или *право владения есть власть удерживать за собою имущество на праве собственности. А владение в смысле события или факта есть действительное удержание за собою вещи на праве собственности*»³⁷.

Высочайше утвержденный 20 ноября 1864 г. Устав гражданского судопроизводства предписал в ст. 73: «По делам о восстановлении нарушенного владения мировой судья не входит в рассмотрение документов, удостоверяющих право собственности на недвижимое имение, но лишь восстанавливает нарушенное владение»³⁸. В толковании к данной статье, построенном на многолетней практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената, было сказано: «Правило 73 статьи о том, что мировой судья не входит в рассмотрение документов, удостоверяющих право собственности на недвижимое имение, “имеет тот *смысл*, что мировые судьи *не вправе* рассматривать упомянутых в ней документов *в том случае*, когда они представляются стороною в *доказательство права собственности* на недвижимое имение. Но если документы, — не исключая и тех, коими удостоверяется право на недвижимое имение, — представляются *единственно в доказательство лишь фактического владения*, то мировые судьи, для удостоверения самого факта владения, вправе и обязаны рассматривать все такие документы”, принимая их к своему обсуждению настолько, насколько из них можно *выяснить* подлежащий разрешению мирового судьи вопрос о том, *в чем владении* находилось спорное имущество до начала спора о нарушенном владении»³⁹.

16 декабря 1870 г. гражданский кассационный департамент Правительствующего Сената, рассмотрев кассационную жалобу крестьянина Трофима Крамаренко на решение Гадячского мирового съезда по спору о нарушении владения истца, вынес постановление, в котором было отмечено: «По смыслу 531 ст. X т[ома] 1 ч[асти], всякое,

³⁶ Варадинов Н. В. Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским. Ст. 2: О праве владения. СПб., 1855. С. 26–27.

³⁷ Там же. С. 5.

³⁸ Высочайше утвержденный Устав гражданского судопроизводства. 20 ноября 1864 года // 2-ПСЗРИ. Т. 39. Отд. 2. № 41477. С. 312.

³⁹ Устав гражданского судопроизводства с законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февраля 1912 года) / Сост. И. М. Тютрюмов, обер-прокурор 2 департамента Правительствующего Сената, приват-доцент императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1912. С. 322.

даже незаконное владение охраняется законом от насилия и самоуправства дотоле, пока против онога не будет предъявлено спора и имущество не будет присуждено другому; из сего следует, что *всякое действительное владение предполагается основанным на праве собственности*, пока противное не будет доказано и признано установленным порядком. Посему действительный владелец имения, в случае нарушения кем-либо его права, может просить о восстановлении онога, опираясь на одном факте владения, без представления доказательств на право собственности»⁴⁰ (курсив мой. — В.Т.).

Если при рассмотрении спора о нарушении владения всякое фактическое владение предполагается основанным на праве собственности, то тем самым молча, но убедительно подразумевается, что главной целью защиты такого владения является обеспечение надлежащей охраны права собственности.

Выраженное в ст. 73 Устава гражданского судопроизводства правило вошло в проект Гражданского уложения в качестве ст. 889 и было сформулировано следующим образом: «По делам о восстановлении или охране владения недвижимыми имуществами не подлежит разрешению спор о праве собственности или об ином вотчинном праве на имущество, но проверяется лишь владение истца и самовольное нарушение онога ответчиком»⁴¹. Эта формулировка оказалась более удачной: слова «судья не входит в рассмотрение документов, удостоверяющих право собственности», которые возбуждали сомнения и споры и требовали неоднократных разъяснений Гражданского кассационного департамента Сената, были заменены на более ясную фразу «не подлежит разрешению спор о праве собственности».

В этом случае мог, правда, возникнуть вопрос о том, почему не подлежит? Но дать вполне удовлетворяющий любопытство ответ на этот вопрос оказывалось совсем нетрудно. В пояснениях к ст. 889 проекта Гражданского уложения Российской империи было сказано, что «сущность правила ст. 73 Уст[ава] гр[ажданского] суд[опроизводства] состоит в том, что по делам о владении не разрешается спор о праве на имущество, ибо вопрос о праве не имеет влияния на решение спора о том, было ли нарушено и подлежит ли охранению или восстановлению владение истца»⁴². Смысл же ст. 889 проекта Гражданско-

⁴⁰ Свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробными предметным, алфавитным и по-статейными указателями, составленными под редакцией опытных юристов. За 1870 г. № 1301—1739. Екатеринослав, 1903. С. 2127.

⁴¹ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С. 746.

⁴² Там же.

го уложения, был представлен в указанных пояснениях следующим образом: «Правило статьи 889 составляет существенную особенность владельческого иска в отношении к таким имуществам, доказательство права собственности на которые требует более продолжительной и тщательной проверки компетентным судом, т. е. в отношении к имуществам недвижимым. Если бы по всякому иску об охране и о восстановлении нарушенного владения допускалось возбуждение ответчиком спора о праве собственности, то владение спорным имуществом потеряло бы свое главное значение охраны спокойного осуществления права собственности и других прав на владение — охраны, составляющей основу защиты владения. Вот почему во всех законодательствах в той либо другой форме принято начало, выраженное в статье 889»⁴³.

Условия, при которых вступали в силу предусмотренные гражданским и гражданско-процессуальным законодательством России правила владельческой защиты, сам характер рассмотрения в судах иска о нарушении фактического владения по ст. 73 Устава гражданского судопроизводства и ст. 531 первой части десятой книги Свода законов, наконец, содержание ст. 882 и 889 проекта Гражданского уложения Российской империи — все это означало, что главной целью, главным основанием защиты фактического владения была не только забота о сохранении общественного порядка и спокойствия, но и стремление обеспечить надлежащую охрану права собственности.

Таким образом, мысль немецкого правоведа Рудольфа Иеринга о том, что защита владения есть «*необходимое дополнение защиты собственности, облегчение доказывания, предназначенное для собственника, но по необходимости служащее на пользу и несобственнику*», в полной мере соответствовала нормам действующего гражданского и гражданско-процессуального законодательства, практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената Российской империи, а также взгляду на сущность владения, превалировавшему в научных трудах российских правоведов.

* * *

Тесная связь владения с правом собственности, а владельческой защиты с интересом охраны собственнических прав предопределяла или программировала соответствующее понимание предмета владения. Статья 877 проекта Гражданского уложения России устанавливала, что «*предметом владения могут быть недвижимые имущества и движимые вещи*»⁴⁴. Здесь явно не подразумевались права — ведь они

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 725.

не могли быть «недвижимыми» или «движимыми». Проект распространял защиту только на владение телесным имуществом, для владения правом охрана не предусматривалась. В пояснениях к указанной статье такому подходу давалось следующее обоснование: «Несомненно также, что предметом владения могут быть лишь такие имущества, которые могут быть предметом и права собственности. В юридической терминологии принято называть собственниками лишь тех, кто имеет полноту прав, непосредственно относящихся до данного физического предмета, недвижимого или движимого, прочие же обладатели прав, как вотчинных, так и личных, именуются по названию сих прав, например: залогодержатель, наниматель, веритель и т. д., а не собственники залога, найма, права требования и т. д. Следовательно, непосредственным предметом права собственности должно быть признаваемо лишь имущество в смысле вещи (движимой или недвижимой), а не какое-либо право. В этом смысле и предметом владения могут быть также лишь те физические имущества, которые могут быть предметом и права собственности. Положение это признается и новейшими учениями о владении»⁴⁵.

Владение правом считалось особым институтом, отличным от владения имуществом, также и составителями Гражданского уложения для Германской империи. § 854 ГГУ 1900 г. объявлял, что «владение вещью приобретает установлением фактической власти над нею»⁴⁶. В соответствии же с § 90 вещами должны были считаться только телесные предметы⁴⁷.

Однако § 1029 и 1090 Германского гражданского уложения показывали, что этот кодекс в некоторых случаях распространял владельческую защиту не только на владение вещью, но и на право пользования чужой вещью. Так, согласно § 1029, в ситуации, когда владелец земельного участка препятствовал «осуществлению сервитута, который внесен в поземельную книгу в пользу собственника этого участка», могли быть применены «предписания о владельческой защите при условии, что сервитут был осуществлен хотя бы один раз в течение года, предшествующего нарушению»⁴⁸. Положение о владельческой защите, предусмотренное § 1029, признавалось применимым и к ситуации, описанной в § 1090. В последнем говорилось: «Земельный

⁴⁵ Там же. С. 726.

⁴⁶ «Der Besitz einer Sache wird durch die Erlangung der thatsächlichen Gewalt über die Sache erworben» (Bürgerliches Gesetzbuch für das Deutsche Reich nebst dem Einführungsgesetz und Sachregister. Berlin, 1909. S. 172)

⁴⁷ «Sachen im Sinne des Gesetzes sind nur körperliche Gegenstände» (ibid. S. 20).

⁴⁸ «Wird der Besitzer eines Grundstücks in der Ausübung einer für den Eigentümer im Grundbuch eingetragenen Grunddienstbarkeit gestört, so finden die für den Besitzschutz geltenden Vorschriften entsprechende Anwendung, soweit die Dienstbarkeit innerhalb eines Jahres vor der Störung, sei es auch nur einmal, ausgeübt worden ist» (ibid. S. 211).

участок может быть обременен таким образом, чтобы лицо, в пользу которого установлено обременение, имело право пользоваться земельным участком только для определенных целей или чтобы ему было предоставлено другое полномочие, которое может служить содержанием земельного сервитута (ограниченный личный сервитут)»⁴⁹.

Владелец сервитута, т. е. права на чужой земельный участок рассматривался в данном случае в качестве лица, которое владеет этим земельным участком наряду с настоящим владельцем последнего.

Проект Гражданского уложения Российской империи оказался последовательнее Германского гражданского уложения при решении вопроса об охране владения правом и не предоставил владельцам сервитутов владельческой защиты. В пояснениях к ст. 877, предписавшей, что предметом владения могут быть только недвижимые и движимые имущества, эта последовательность объяснялась следующим образом: «Возлагать на мирового судью, как то делает статья 29, восстановление пользования сервитутом (правом участия частного), как бы владения правом, по одним фактическим данным без предоставления суду возможности и обязанности проверить основание этого права значило бы во многих случаях требовать от него непосильной задачи. Вот почему очень разумно не допускать владельческих исков, т. е. основанных на одних фактических обстоятельствах с устранением впросов о праве, по отношению к пользованию правами»⁵⁰.

Главной причиной, по которой в проекте Гражданского уложения России не нашлось норм, предоставляющих владельцу сервитута владельческую защиту, наподобие той, которая предоставлялась ему Германским гражданским уложением, заключалась, на мой взгляд, в отсутствии норм о владельческой защите пользования сервитутом в действовавшем российском законодательстве. При разработке статей, регулировавших право собственности и владение, составители российского проекта Гражданского уложения в большей мере ориентировались на отечественную законодательную и судебную практику, консервируя тем самым сложившиеся в России на протяжении XIX столетия вещно-правовые институты.

Список литературы

1. *Варадинов Н. В.* Исследование об имущественных или вещественных правах по законам русским. Статья 2: О праве владения. Спб., 1855.

⁴⁹ «Ein Grundstück kann in der Weise belastet werden, dass derjenige, zu dessen Gunsten die Belastung erfolgt, berechtigt ist, das Grundstück in einzelnen Beziehungen zu benutzen, oder dass ihm eine sonstige Befugnis zusteht, die den Inhalt einer Grunddienstbarkeit bilden kann (beschränkte persönliche Dienstbarkeit)» (ibid. S. 220).

⁵⁰ Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С. 725.

2. Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / Под ред. И. М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. Т. 1. Спб., 1910.

3. *Иеринг Р.* Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении / Пер. с нем. второго испр. и доп. изд. М., 1883.

4. Свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) с подробными предметным, алфавитным и постатейными указателями, составленными под ред. опытных юристов. За 1870 г. № 1301—1739. Екатеринослав, 1903.

5. Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) с подробным предметным, алфавитным и постатейным указателями, составленными под редакцией опытных юристов за 1886 г. № 1—100 и за 1887 г. № 1—47. Екатеринослав, 1905.

6. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за второе полугодие 1868 года. Спб., 1869.

7. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1877 год. Екатеринослав, 1912.

8. Устав гражданского судопроизводства с законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов, извлеченными из научных и практических трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 февраля 1912 года) / Сост. И. М. Тютрюмов. Спб., 1912.

9. Bürgerliches Gesetzbuch für das Deutsche Reich nebst dem Einführungsgesetz und Sachregister. Berlin, 1909.

10. *Jäntsch H.* Denkschrift zum Entwurfe eines Bürgerlichen Gesetzbuchs nebst drei Anlagen, ergänzt durch Hinweise auf die Beschlüsse des Reichstages sowie auf die Paragraphen des Bürgerlichen Gesetzbuchs und seiner Nebengesetze. Berlin, 1899.

11. *Jhering R.* Beiträge zur Lehre vom Besitz // Jahrbücher für die Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privatrechts. Bd. 9. Jena, 1868.

12. *Jhering R.* Ueber den Grund des Besitzschutzes: Eine Revision der Lehre vom Besitz. Jena, 1869.